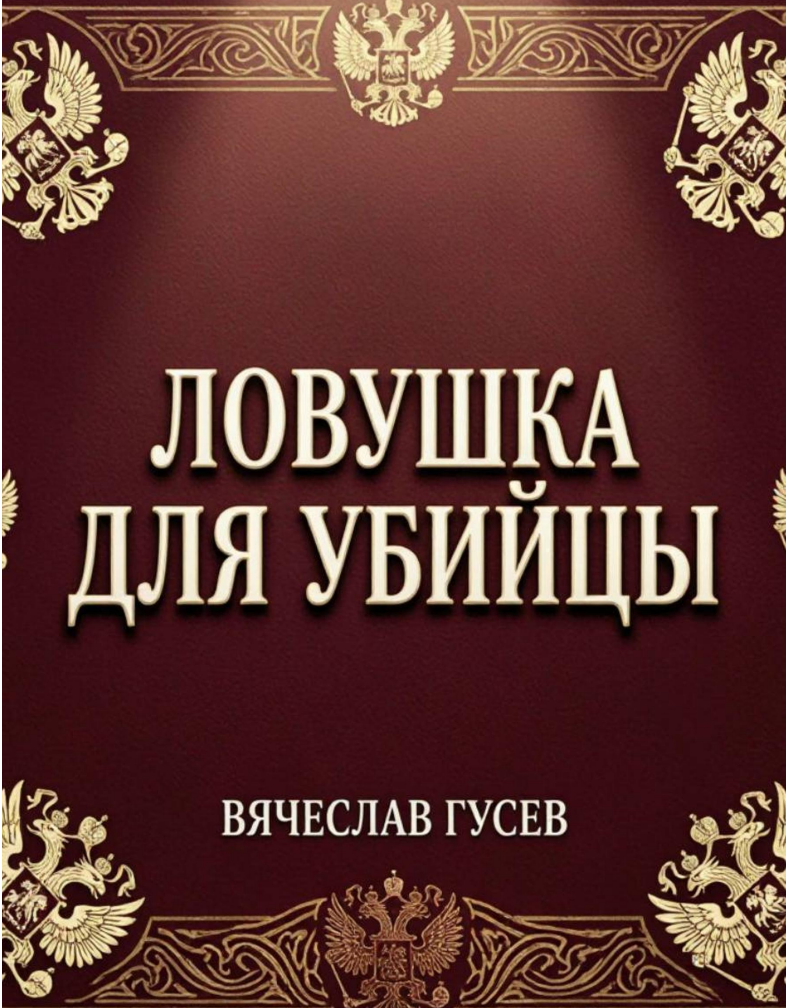

ЛОВУШКА ДЛЯ УБИЙЦЫ

ВЯЧЕСЛАВ ГУСЕВ

Вячеслав Гусев

Ловушка для убийцы

<https://litres.ru/74667759>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Илья Соколов знает: убийца следит за каждым его шагом. Поэтому он делает то, чего от него точно не ждут, — публично анонсирует пресс-конференцию и обещает раскрыть правду о деле серийного убийцы. Его план прост: спровоцировать преступника сорвать мероприятие — и тем самым выдать себя. Зал наполовину пуст, камеры едва горят и когда в зал входит тот, кого считали пропавшим, и заявляет, что готов говорить, Илья понимает: он добился своего. Но слишком поздно осознаёт, что теперь он не охотник, а мишень. Сможет ли он дожить до конца собственной ловушки?»

Вячеслав Гусев

Ловушка для убийцы

Глава 1.

Я сидел в полумраке своей квартиры, будто сам себя загнал в тень, чтобы не видеть того, что натворил. На столе громоздились стопки газетных вырезок — каждая смотрела на меня упрёком. Ноутбук мерцал тусклым экраном, чашка остывшего кофе давно потеряла всякий смысл: я даже не помнил, когда сделал последний глоток. В комнате пахло пылью и старой бумагой — раньше этот запах казался мне запахом работы, теперь он отдавал застоем, словно время здесь замедлилось и не хотело двигаться дальше.

За окном город шумел привычным гулом, но внутри тишина была плотной, почти осязаемой. Я слышал каждый скрип половиц, каждый шорох за дверью — и от этого становилось только хуже. На входной двери у замка остались едва заметные царапины — прошлой ночью кто-то пытался её вскрыть. Тогда я убедил себя, что это случайность. Сейчас эта случайность казалась насмешкой, будто кто-то проверял, насколько легко ко мне подобраться.

В домофоне раздался резкий звонок — такой, от которого вздрагиваешь всем телом. Почтальон, торопливый и равнодушный, бросил в трубку:

— Распишитесь, и я пошёл.

Я спустился, вернулся с пачкой писем, машинально перебрал их, откладывая в сторону рекламу и счета. И вдруг пальцы замерли на плотном конверте с пометкой «лично в руки», написанной от руки. Почерк был знакомый — неровный, будто торопливый, с нажимом на каждой букве. Кузнецов.

«Не открывай», — шепнул внутренний голос. Но я уже разорвал клапан, будто кто-то чужой управлял моими руками. Внутри лежал один лист, исписанный тем же почерком. Строчки били по глазам, как удары: Кузнецов прямо обвинял судью, прокурора — и меня. Не как соучастника, а как того, кто помог всё это легализовать. Его слова не были криком — они были приговором, произнесённым тихо, чтобы никто не услышал, кроме меня.

Я перечитал последнюю фразу трижды: «Правда не спасает мёртвых. Но она не даёт живым забыть». Внутри всё сжалось, стыд смешивался с тревогой, как кислота с водой. Я встал, прошёл к окну, отодвинул штору — улица была обычной: прохожие, машины, кто-то смеялся у подъезда. Мир продолжал жить, будто ничего не случилось. А у меня в руках была бомба, и я не знал, куда её деть.

Чтобы заглушить мысли, я включил телевизор. Экран вспыхнул, и голос диктора ударил по нервам:

— Судья, фигурировавший в громком деле серийного

убийцы, найден мёртвым в своём доме. Подробности выясняются.

Я замер у двери, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Это не совпадение. Это сигнал. Игра уже началась — и я в ней не зритель.

Телефон в кармане завибрировал. Редактор. Голос звучал устало, с лёгкой раздражённостью, будто я мешал ему пить кофе и смотреть сводки.

— Илья, ты где? — спросил он, не здороваясь.

— Дома, — ответил я, стараясь говорить ровно. — Но мне нужно кое-что уладить.

— Опять эти старые дела? — вздохнул он. — Брось, Илья. Это уже история. Пусть лежит.

— Не лежит, — сказал я жёстче, чем хотел. — Сегодня утром мне пришло письмо от Кузнецова. А сейчас по телевизору сказали, что судья мёртв. Это не случайность.

Он помолчал, и в этой паузе я услышал, как он взвешивает риски: репутацию редакции, свои нервы, мою одержимость.

— Ты хочешь копать дальше? — наконец спросил он.

— Я должен, — ответил я. — Дай мне неделю. Офици-

ально — отпуск. Неофициально — я разгребу это.

— Не лезь туда, где пахнет уголовкой, — предупредил он, и в его голосе не было угрозы — только усталость. — Если тебя втянут, мы не сможем вытащить.

— Я не собираюсь быть втянутым, — сказал я, хотя сам себе не верил. — Я собираюсь вытащить всё наружу.

Он снова вздохнул, будто сдался.

— Ладно. Неделя. Но если что — ты сам по себе.

Я положил трубку и оглядел комнату, как будто видел её впервые. На столе лежал конверт, рядом — блокнот, диктофон, старые вырезки. Я начал собирать вещи, движения были резкими, почти нервными. Пальцы дрожали, но я заставлял себя не замечать этого. Первым делом — на место преступления.

На улице воздух был влажным, пахло мокрым асфальтом и сырой тревогой. Элитный район города казался сейчас не символом успеха, а декорацией для трагедии. У ворот дома судьи — полицейские машины, жёлтая лента, толпа зевак, которые стояли, будто ждали продолжения спектакля. У входа молодой оперативник Алексей выглядел так, будто сутки не спал: глаза красные, плечи опущены, в движениях — усталость, смешанная с раздражением.

Я подошёл, стараясь держаться спокойно, но внутри всё

сжималось от ощущения, что я здесь лишний.

— Мне нужно пару минут, — сказал я, доставая удостоверение. — Я журналист, но не для статьи. Для себя.

— Для себя? — переспросил Алексей, криво усмехнувшись. — Здесь не клуб по интересам.

— Знаю, — кивнул я. — Но я был в этом деле. С самого начала. И если сейчас что-то не так, я хочу это увидеть.

Он посмотрел на меня, будто пытался прочесть, можно ли мне верить. Потом махнул рукой, словно сдался.

— Пару минут, — повторил он. — Но не больше.

Мы отошли в сторону, подальше от толпы. Алексей говорил тихо, почти шёпотом, будто боялся, что стены услышат.

— В кармане судьи нашли номер уголовного дела, — сказал он, глядя не на меня, а куда-то в сторону. — Того самого. Которое стоило Кузнецову карьеры.

— Кто-то хотел, чтобы это нашли, — пробормотал я, записывая в блокнот. — Или наоборот — не хотел, чтобы нашли, и оставил как приманку.

— Или это просто совпадение, — сухо ответил Алексей,

но в его голосе не было уверенности.

В этот момент к нам подошёл старший следователь — высокий, с жёстким взглядом и походкой человека, который привык, что все перед ним расступаются.

— Что тут происходит? — резко спросил он, глядя на меня. — Вы кто такой?

— Журналист, — спокойно ответил я, хотя внутри всё сжалось. — Помогаю следствию.

— Мы не нуждаемся в помощи, — отрезал он. — Уходите. Сейчас же.

Алексей хотел что-то сказать, но только сжал губы и отвёл взгляд. Я понял: он не станет спорить. Я кивнул, делая вид, что сдаюсь, и начал отходить. Но краем глаза заметил следы на крыльце — свежие, чёткие, ведущие в сад. Кто-то уходил неторопливо, зная, что успеет. Убийца не бежал — он уходил, как хозяин.

Когда я отошёл на безопасное расстояние, достал блокнот и перечитал запись: номер дела в кармане судьи. Это было слишком нарочито. Слишком театрально. Кто-то играл с полицией, а может, и со мной.

Вернувшись домой, я сел за стол, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлым плащом. В комнате было темно, только настольная лампа бросала узкий круг света на стол. На по-

лу — разбросанные вырезки, на стене — самодельная «доска связей»: фотографии, нитки, заметки, которые когда-то казались мне ключом ко всему. Сейчас они выглядели как следы паники.

Я снова перечитал письмо Кузнецова, пытаюсь найти в нём подсказку, которую пропустил. Но там не было ни намёков, ни шифров — только горькая правда, которую он не смог высказать вслух.

Телефон завибрировал — Марина. Я ответил, чувствуя, как внутри поднимается волна надежды и страха одновременно.

— Илья? — её голос звучал осторожно, будто она боялась, что я втяну её во что-то опасное. — Ты звонил. Что-то случилось?

— Случилось, — выдохнул я. — Судья мёртв. А мне пришло письмо от Кузнецова.

Она помолчала, и в этой тишине я услышал, как она принимает решение.

— Илья... — наконец сказала она, и в её голосе была усталость, смешанная с тревогой. — Я не хочу ворошить прошлое.

— Мне не нужны имена, — быстро сказал я. — Только

детали. Любые мелочи. Что-то, что не попало в газеты.

— Хорошо, — неохотно согласилась она. — Но только то, что помню. И не проси меня называть имена. Я не хочу, чтобы это снова ударило по мне.

Мы начали говорить, и я записывал каждую деталь, каждое слово, которое могло быть зацепкой. Марина вспоминала, как в отделе шептались о давлении сверху, как папки исчезали со столов, как кто-то настойчиво просил «не раздувать». Я слушал, стараясь не перебивать, но внутри меня росло чувство, что мы идём по краю.

И вдруг я услышал звук у входной двери — тихий, едва уловимый, будто кто-то медленно провёл чем-то по металлу. Я замер, прислушиваясь.

— Ты там? — спросила Марина. — Илья, ты меня слышишь?

— Подожди, — прошептал я, вставая. — Не клади трубку. Я подошёл к двери, прижался ухом к холодному металлу. Тишина. Потом — лёгкий шорох, будто кто-то отошёл. Я посмотрел в глазок — никого. Только пустая площадка, тусклый свет лампы, тень в углу.

Опустившись на корточки, я заметил на полу у порога крошечный металлический предмет — обломок, похожий на часть отмычки. Пальцы сжались вокруг него, как будто он

мог дать ответ. Я выпрямился, чувствуя, как по спине ползёт холод. Они следили за мной. Они знали, что я начал копать.

— Марина, — тихо сказал я в трубку. — Мне нужно закончить. Что-то происходит.

— Илья, будь осторожен, — прошептала она, и в её голосе было столько тревоги, что мне стало не по себе. — Если это снова то дело...

— Я знаю, — перебил я. — Но я не могу остановиться.

Я положил телефон на стол и сел, глядя на письмо, вырезки и металлический обломок. В голове крутилась одна мысль: «Они знают, что я копаю. И они готовы на всё, чтобы я остановился».

В этот момент телефон снова завибрировал — уведомление о посылке. Курьер доставил небольшую коробку без опознавательных знаков. Я взял её, чувствуя холод картона. Внутри была новая улика — я знал это без слов. И знал ещё одно: открыв её, я окончательно перейду черту между журналистом и участником расследования.

Пальцы дрожали, когда я разрывал упаковку. Внутри — маленькая коробочка, а в ней — ключ. Простой, ничем не примечательный, но с выгравированным номером. Я перевернул его, пытаясь понять, к чему он подходит. И вдруг вспомнил: в старых материалах было упоминание о сейфе в архиве, который никто не мог открыть. Этот ключ мог быть

тем самым.

Я сел, глядя на ключ, и почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Страх ушёл, оставив место холодной решимости. Теперь это было не просто расследование. Это была война. И я больше не мог прятаться.

Глава 2.

Утро выдалось серым, будто город решил спрятаться от правды. За окном моросил дождь, капли стекали по стеклу неровными дорожками, и казалось, что весь мир плачет о чём-то, чего я ещё не понял. В квартире царила тишина, лишь тиканье старых часов на полке отсчитывало секунды с нарочитой медлительностью, словно специально растягивая напряжение.

На столе лежал конверт с письмом Кузнецова, а вокруг были разбросаны газетные вырезки — словно я пытался сложить из них ответ, но они упрямо не складывались. У замка на двери виднелась едва заметная царапина — след вчерашней попытки проникнуть внутрь. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри шевелится страх, холодный и липкий, как утренний туман за окном.

Не успел я допить остывший кофе, как в дверь позвонили. Курьер — молодой парень в промокшей куртке, с безразличным лицом, будто доставлял не коробку, а обычный пакет с хлебом, — протянул планшет:

— Распишитесь. Тут без адреса, просто «Илье Соколову».

Я замер, глядя на коробку. Она была небольшой, из простого картона, без наклеек и марок, будто её вырезали из тишины и принесли прямо из чьих-то тёмных мыслей.

— Не хотите брать? — спросил курьер, приподняв бровь.

— Могу забрать обратно.

— Нет, — выдохнул я, подписывая. — Оставьте.

Он пожал плечами, бросил: «Как хотите», — и исчез, оставив после себя запах дождя и мокрой ткани.

Я поставил коробку на стол, не решаясь открыть. Пальцы дрожали, и я сжимал их в кулаки, чтобы скрыть эту дрожь. «Это ловушка, — шептал внутренний голос. — Или признание. Или просто ещё один гвоздь в крышку моего спокойствия».

«Ты журналист, — напомнил я себе. — Ты должен смотреть, даже если страшно».

Схватив нож для писем, я поддел скотч. Коробка раскрылась с сухим треском, будто сама хотела, чтобы её открыли. Внутри лежали старые фотографии, пожелтевшие по краям, с зернистой фактурой, выдающей плёнку. Я вынул их осторожно, как будто они могли рассыпаться от прикосновения.

На обороте одной из фотографий была короткая надпись

от руки: «Посмотри на тень». Буквы были неровными, будто писались в спешке. Я перевернул снимок и вгляделся. На фото было место преступления по делу серийного убийцы: тело жертвы лежало на траве, вокруг сустились полицейские, желтела лента. Но взгляд сам цеплялся за тень от дерева — длинную, резкую, падающую прямо на тело. Я сверил угол тени с временем, указанным в протоколе, и меня прошибло холодом: угол не совпадал. Тень падала так, будто снимок сделали на два часа позже, чем значилось в документах.

«Они подменили время, — пронеслось в голове. — Или подменили фото».

Я сидел, уставившись на снимок, и чувствовал, как стыд и злость сплетаются в тугой узел. Статья, которую я тогда написал, опиралась на эти документы. Я поверил официальной версии — и тем самым помог её закрепить.

«Теперь ты копаешь не ради сенсации, — сказал я себе. — Теперь ты копаешь, чтобы вернуть долг».

В блокноте я записал имя и адрес фотографа, снимавшего место преступления: Виктор Петрович, старая студия на окраине. Если кто-то и мог объяснить эту тень, то только он.

До студии я добирался на скрипучем трамвае, который вздыхал на каждом повороте, будто не верил, что доедет. Район был запущенным: старые дома с облупившейся краской, дворы, где время будто остановилось. Студия пряталась в глубине двора за железной дверью с полустёртой табличкой.

Внутри пахло пылью и проявителем — запах, мгновенно переносающий в прошлое, когда фотография была ритуалом, а не кликом. Полки ломились от коробок, на стенах висели пожелтевшие снимки, застывшие воспоминания. Виктор Петрович перебирал карточки за столом и, когда я вошёл, поднял усталые глаза.

— Чего надо? — спросил он хрипло, без приветствия.

— Вы снимали место преступления по делу серийного убийцы, — сказал я, стараясь сохранять спокойствие. — Я нашёл фотографию... и там тень не совпадает со временем в протоколе.

Виктор Петрович хмыкнул, прищурился, будто пытаюсь вспомнить не событие, а своё отношение к нему.

— Тень, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Да, помню. Тогда все торопились. Прокурор кричал, что пресса уже дышит в затылок, надо быстрее.

— Кто просил вас поторопиться? — спросил я, наклоняясь вперёд.

— Да все, — махнул он рукой. — Но один особенно. Высокий такой, с резкими движениями. Не представился, но

держался так, будто весь город ему принадлежит.

В этот момент из соседней комнаты вышел помощник — молодой парень с нервным взглядом. Он посмотрел на меня, будто я был угрозой, и тихо сказал:

— Виктор Петрович, может, хватит? Старые дела лучше не ворошить.

Фотограф бросил на него тяжёлый взгляд:

— Помолчи. Если человек пришёл, значит, надо ответить. Он встал, пошаркал к ящику, достал коробку с негативами. Пальцы дрожали, но движения были уверенными — привычка, выработанная годами. Он нашёл нужный кадр, вставил в увеличитель, и на белой стене вспыхнул знакомый снимок.

— Вот, — сказал он, указывая на тень. — Видите? Угол не тот. Снимали позже. Кто-то подменил время.

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— А ещё, — добавил он, доставая другой негатив, — был вот этот кадр. Его велели не включать.

На снимке была фигура в тёмной куртке, стоящая в стороне, будто наблюдающая. Лицо размыто, но силуэт чёткий.

— Кто это? — спросил я хрипло.

— Не знаю, — признался Виктор Петрович. — Тогда мне сказали: «Этот кадр не нужен». И я послушался.

Помощник стоял в дверях, сжимая кулаки, будто хотел что-то сказать, но не решался. Потом достал телефон, быстро что-то напечатал, пряча экран. Я заметил это краем глаза, и внутри всё похолодело.

— Можно копию этого кадра? — попросил я.

Фотограф вздохнул, долго смотрел на меня, взвешивая, стоит ли доверять.

— Одну, — сказал он наконец. — Для себя. Оригинал здесь останется.

Когда я выходил, помощник проводил меня взглядом, в котором читалось не любопытство, а предупреждение.

«Кто-то следит, — подумал я, выходя на улицу. — И этот кто-то не хочет, чтобы правда всплыла».

Кафе было маленьким и полупустым, словно создано для тайных разговоров. В углу тихо гудел холодильник, пахло жареным луком и дешёвым кофе. За соседними столиками посетители уткнулись в телефоны, пытаясь спрятаться от реальности.

Марина пришла первой. Она сидела у окна, теребя сал-

фетку, и в её движениях чувствовалась напряжённость, как у человека, готового вскочить и убежать в любой момент. Когда я сел напротив, она подняла глаза — в них были усталость и страх.

— Ты уверен, что хочешь это знать? — спросила она без приветствия. — Потому что, когда ты узнаёшь, назад уже не вернёшься.

— Я уже не могу вернуться, — ответил я, выкладывая на стол копию фотографии. — Посмотри.

Она наклонилась, вгляделась, и её пальцы замерли на краю снимка.

— Где ты это взял? — прошептала она.

— У фотографа, который снимал место преступления, — сказал я. — Он признался, что этот кадр велели не включать в отчёт.

Марина подняла глаза, в них мелькнуло понимание, смешанное с ужасом.

— Я видела этого человека, — сказала она тихо. — В коридоре прокуратуры, в тот день, когда дело закрыли. Он не был в списке посетителей.

Официант подошёл, поставил чашки, задержался чуть

дольше, чем нужно, будто прислушиваясь. Я заметил, как его взгляд скользнул по фотографии, и внутри всё сжалось.

— Марина, — наклонился я ближе, стараясь говорить тише, чтобы не выдать дрожь в голосе, — кто давил на прокурора? Почему дело закрыли так быстро?

Она сжала губы, будто пыталась удержать слова, которые могли её погубить. В её пальцах нервно хрустнула салфетка — звук прозвучал в тишине кафе громче, чем хотелось бы.

— Незадолго до закрытия к прокурору приходил человек из вышестоящей инстанции, — прошептала она, не глядя на меня, будто боялась, что даже взгляд выдаст лишнее. — Высокий, с резкими движениями. Никто не знал, кто он, но после его визита дело закрыли за один день.

Я вспомнил слова фотографа. «Тот самый», — пронеслось в голове, и внутри всё стянулось в тугой узел.

— Они всё продумали, — сказал я, и в собственном голосе слышал холодную ярость, которую до этого удавалось прятать. — Подменили фото, подменили время, заставили всех молчать.

— И они до сих пор здесь, — добавила Марина, наконец подняв на меня глаза. В них не было ни надежды, ни облегчения — только горькое понимание. — Те, кто тогда всё замял, до сих пор на своих местах.

Она достала салфетку, быстро написала что-то, пододвинула ко мне. Буквы были мелкими, торопливыми, будто она

боялась, что кто-то успеет заглянуть через плечо.

— Спроси у него, — прошептала. — Он был дежурным в ту ночь. Он мог видеть, кто приходил и уходил.

Я спрятал салфетку в карман, чувствуя, как бумага врезается в пальцы, будто сама по себе была уликой.

Мы вышли из кафе вместе, но на улице Марина остановилась, будто хотела сказать что-то ещё, но не решалась. Ветер трепал её волосы, срывал с губ слова прежде, чем они успевали родиться.

— Будь осторожен, Илья, — сказала она, на секунду сжав мою руку. Хватка была крепкой, почти отчаянной, как будто этим касанием она пыталась передать мне всё, чего не могла сказать вслух. — Они не любят, когда прошлое возвращается.

Я кивнул, не доверяя своему голосу. Она пошла прочь, растворяясь в вечернем полумраке, а я остался стоять, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку, как сырость оседает на коже. Город вокруг жил своей обычной жизнью: кто-то спешил, кто-то смеялся, кто-то просто хотел поскорее оказаться дома. А для меня этот город вдруг стал ловушкой, где каждый прохожий мог оказаться наблюдателем.

И тут я заметил его. Фигура в тёмной куртке стояла в тени арки — не прячась, не суетись, будто хотела, чтобы я её увидел. Наши взгляды встретились на секунду, и этого хватило, чтобы понять: они знают, что я копаю. И они не дадут мне

остановиться.

Резко развернувшись, я пошёл прочь, ускоряя шаг, стараясь не оглядываться. В голове стучала одна мысль: «Теперь они знают, что ты не отступишь. И значит, игра пошла всерьёз».

Но я не собирался отступать.

Свернув в узкий переулок, я достал из кармана салфетку и снова посмотрел на написанное. Имя и адрес дежурного — короткая строчка, которая могла стать новой зацепкой. Пальцы слегка дрожали, но я заставил себя дышать ровно. Нужно было действовать, пока страх не успел превратиться в паралич.

В кармане завибрировал телефон. Я вынул его, ожидая увидеть сообщение от редактора или Марины, но на экране высветилось незнакомое имя. Номер был скрыт. Сердце на мгновение замерло, а потом забилось быстрее, как будто само знало: это не случайный звонок.

— Алло, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

На том конце провода молчали. Только тихий, едва уловимый шум — будто кто-то стоял в пустом помещении и боялся сделать лишний вдох.

— Кто это? — повторил я жёстче.

Снова тишина. И вдруг — короткий звук, похожий на щелчок, и связь оборвалась.

Я опустил телефон, чувствуя, как по спине ползёт холод.

Это не было случайностью. Это было предупреждение.

Дойдя до остановки, я сел на лавку, которая пахла мокрым деревом и осенней сыростью. Дождь усилился, капли барабанили по козырьку, отбивая ритм, который никак не совпадал с тем, что творилось внутри. Я достал блокнот, открыл чистую страницу и начал записывать всё, что вспомнил: тень на фото, слова Виктора Петровича, взгляд помощника, торопливые буквы на салфетке, этот странный звонок. Каждая деталь казалась теперь не просто фрагментом, а звеном цепи, которую я пытался собрать.

Когда страница заполнилась, я перечитал записи. И понял: я больше не журналист, который ищет сенсацию. Я стал частью этой истории — и теперь у меня не было права на ошибку.

Поднявшись, я застегнул куртку и посмотрел в сторону, куда вела следующая ниточка — к дежурному, который мог помнить ту ночь. Дождь стекал по лицу, смывая остатки сомнений.

Пора было идти.

Глава 3.

Раннее утро, а в квартире темно — будто ночь не хотела уходить и просто притаилась по углам. За окном ещё не рассвело, только редкие фонари бросали на асфальт тусклые пятна света, похожие на следы чьих-то осторожных шагов. В комнате — лишь слабый свет ночника: он выхватывал из

темноты край стола, стопку бумаг, чашку, которую я так и не помыл вчера.

Я сидел на полу у двери, прижимаясь спиной к холодному дереву, будто оно могло меня защитить. В руке — связка ключей, тяжёлых, металлических, почти нелепых как оружие, но сейчас они казались единственным щитом. Пальцы сжимали их до побеления костяшек. У замка — едва заметные царапины, свежие, будто кто-то пытался пробраться внутрь, пока я метался в полусне между кошмарами и реальностью.

Тишину разорвал резкий, настойчивый звонок телефона. Звук ударил по нервам, как выстрел в пустой комнате. Я вздрогнул, посмотрел на экран — редактор. Внутри всё сжалось: если он звонит в такую рань, значит, случилось что-то хуже обычного.

— Илья, — голос его звучал сухо, устало, но в этой усталости слышалась тревога. — Ты ещё дома?

— Да, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А что?

— Прокурор пропал, — сказал он, и пауза после этих слов была тяжелее любого крика. — Ни дома, ни на даче, ни у любовницы. Как испарился. Полиция уже на ушах, но никто не понимает, куда он делся. Такое ощущение, что его просто стёрли.

Я замер, телефон будто стал тяжелее в руке. В голове вспыхнула мысль, острая и холодная: «Это не совпадение. Это продолжение». Если судья мёртв, а прокурор исчез, то следующей жертвой может быть тот, кого я ещё не вижу... или я сам.

«Ты сам это начал, — шепнул внутренний голос. — Ты разворошил осиное гнездо, и теперь они убирают всех, кто хоть что-то знает».

Но следом пришла другая мысль, упрямая и злая: «А если я остановлюсь сейчас, значит, всё было зря. Кузнецов не для того оставил мне это письмо, чтобы я спрятался за дверью».

— Я еду в прокуратуру, — сказал я, вставая. Голос прозвучал твёрже, чем я чувствовал себя. — Мне нужно поговорить с его помощницей. Она знает, куда он ходил в последние дни.

— Илья, послушай, — выдохнул редактор, и в его голосе впервые прозвучало не раздражение, а настоящая тревога. — Не лезь туда, где пахнет не просто уголовкой, а чем-то гораздо хуже. Если он исчез не сам, значит, кто-то этого хотел. И этот кто-то не любит, когда задают вопросы.

— Я не могу не лезть, — тихо сказал я. — Если я сейчас отступлю, я перестану себя уважать.

Он помолчал, будто пытался подобрать слова, которые

могли бы меня остановить. Но слов не нашлось.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Но будь осторожен. И держи меня в курсе. Если что-то случится — хоть сообщение скинь.

Я положил трубку, на секунду замер, чувствуя, как дрожь, которую я сдерживал, наконец прорывается сквозь кожу. Потом резко встал, схватил блокнот, ручку, сунул в карман диктофон. На обложке блокнота я наскоро набросал список вопросов: «Про письма. Про звонки. Про то, куда он ходил в последние дни». И добавил внизу: «Спросить про пометку “Этого не было”».

Выходя, я на секунду задержался у двери, провёл пальцами по царапинам у замка. Металл был холодным, шершавым — будто кто-то давил на инструмент, не жалея сил. «Они были здесь, — подумал я. — И могут вернуться».

До прокуратуры я добрался быстро, будто город сам подталкивал меня вперёд, а светофоры нарочно загорались зелёным. В здании пахло старой бумагой, дешёвым кофе и напряжением — тем особенным, которое висит в воздухе, когда все знают, что случилось что-то плохое, но вслух об этом не говорят.

Коридор тянулся вперёд серой лентой, двери кабинетов казались одинаковыми, как ячейки в улье. В приёмной было тихо, только изредка раздавались шаги охранников — тяжёлые и размеренные, будто они охраняли не здание, а чью-то

тщательно спрятанную тайну.

У кабинета прокурора дверь была закрыта, а рядом — стол помощницы, заваленный папками так, что казалось, будто бумаги пытаются сбежать. За столом сидела Анна, молодая женщина с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Она выглядела так, будто не спала несколько ночей подряд, а может, просто боялась закрыть глаза.

Я подошёл, стараясь держаться спокойно, но внутри всё сжималось от напряжения.

— Анна, — тихо сказал я, наклоняясь к столу. — Я знаю, что вы не хотите ни с кем говорить. Но мне нужно всего несколько минут.

Она подняла на меня глаза, в них была не просто усталость — в них был страх.

— Вы журналист, — прошептала она, не спрашивая, а констатируя, как приговор. — Вам нельзя здесь быть.

— Мне не нужна статья, — ответил я. — Мне нужна правда. Прокурор пропал. И я думаю, это связано с делом Кузнецова.

Она сжала губы, пальцы нервно теребили край папки. Потом, будто решившись, оглянулась на дверь, словно проверяя, не подслушивает ли кто-то.

— Он был напуган, — сказала она тихо, почти шёпотом.
— В последние дни он почти не выходил из кабинета. И всё время проверял, не следит ли кто-то за ним.

— Что его пугало? — спросил я, наклоняясь ближе.

— Письмо, — выдохнула она. — Он получил его два дня назад. Сказал, что это конец. И ушёл, даже пальто не взял.

Она потянулась к ящику стола, дрожащими руками достала конверт, положила его на стол, но не отдала — будто боялась, что, выпустив его из рук, потеряет последнюю ниточку контроля.

— Здесь копия страницы из дела Кузнецова, — прошептала она. — С пометкой красным. Он сказал, что это самое важное.

Я посмотрел на бумагу. На ксерокопии страницы была яркая красная надпись: «Этого не было». Три простых слова, но от них по спине пробежал ледяной холод.

«Этого не было, — пронеслось в голове. — Значит, кто-то вычеркнул из дела вещественное доказательство. Или его вообще никогда не существовало».

В этот момент из коридора вышел начальник отдела — высокий, грузный мужчина с лицом, будто высеченным из камня. Он остановился, посмотрел на конверт в руках Анны, потом на меня, и его взгляд стал тяжёлым, как молот.

— Что здесь происходит? — рявкнул он, голос эхом прокатился по приёмной. — Вы кто такой? И почему у вас в руках документы?

— Я журналист, — спокойно ответил я, хотя внутри всё дрожало. — Пытаюсь понять, куда пропал прокурор.

— Вы здесь никто, — отрезал он, подходя ближе. — Немедленно положите это на место.

Анна быстро схватила конверт, спрятала его в ящик, щёлкнула замком. Её пальцы дрожали, и этот щелчок прозвучал как выстрел.

Я медленно кивнул ей, стараясь взглядом передать: «Я вернусь». Потом повернулся и пошёл к выходу, чувствуя на себе тяжёлый взгляд начальника отдела.

На улице воздух был влажным, пахло мокрым асфальтом и приближающимся дождём. Капли уже оседали на воротнике, холодные и настойчивые, будто пытались остудить мой пыл. Я достал блокнот, перечитал фразу «Этого не было» и почувствовал, как внутри зреет холодная решимость. «Если доказательство вычеркнули из дела, — подумал я, — значит, оно где-то есть. Или где-то остался его след».

Я достал телефон, набрал номер старого знакомого из ЖКХ. Он долго не брал трубку, потом ответил сонным голосом.

— Слушай, — быстро сказал я. — Мне нужно попасть в квартиру прокурора. Официально нельзя, но мне нужно проверить одну вещь. Под предлогом труб, вентиляции — что угодно.

Он помолчал, потом вздохнул.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он. — Это не шутки.

— Понимаю, — ответил я. — Но у меня нет выбора.

Через час он перезвонил: «Всё готово. Я договорился, что бригада будет проверять трубы. Но я не пойду с тобой. Я не хочу знать, что ты там ищешь».

Квартира прокурора была тихой, слишком тихой, будто сама боялась нарушить эту тишину. Полумрак ложился на мебель серыми тенями, в воздухе витал запах пыли и чего-то неуловимо чужого. На столе лежала раскрытая папка с делом Кузнецова — страницы были разбросаны, как будто кто-то лихорадочно искал что-то и не нашёл. Рядом — несколько смятых листков с неразборчивыми заметками, карандаш валялся на полу, будто его бросили в спешке.

Знакомый из ЖКХ стоял в дверях, держа в руках папку с документами, и выглядел так, будто хотел оказаться где угодно, только не здесь.

— Вот, — буркнул он, указывая на дверь. — Бригада уже «проверила» трубы. У тебя полчаса, не больше. Но я внутрь не пойду. Не хочу знать, что ты ищешь.

— Спасибо, — коротко сказал я.

— Не благодари, — бросил он, выходя. — Просто не падайсь.

Дверь за ним закрылась с тихим щелчком, и тишина в квартире стала почти осязаемой. Я остался один, и каждый звук — скрип пола, тиканье часов в соседней комнате — казался мне чьим-то дыханием.

Я начал быстро, но осторожно осматривать комнату. В ящиках стола — обычные бумаги, счета, старые письма. Ничего, что могло бы объяснить исчезновение. Но в нижнем ящике, под стопкой папок, я нашёл небольшой блокнот — старый, потрёпанный, с пожелтевшими страницами. На одной из страниц была схема: имена судьи, прокурора, Кузнецова, соединённые линиями, и рядом — инициалы «К.М.», обведённые красным кружком. Под ними — дата, совпадающая с днём смерти судьи, и короткая фраза: «Он знал. Теперь он тоже в опасности».

Я замер, глядя на эти слова. «Он знал, — повторил я про себя. — Кто знал? Кузнецов? Прокурор? Или кто-то третий?»

Пальцы сами потянулись к телефону, я быстро сфотографировал страницу, стараясь не шуметь. Экран вспыхнул, и на секунду комната осветилась, будто сама хотела, чтобы эту тайну увидели.

И в этот момент я услышал тихий щелчок за дверью — будто кто-то осторожно повернул ручку. Я резко обернулся, сердце колотилось где-то в горле. Коридор был пуст, только тень лежала на полу, неподвижная и зловещая.

«Я здесь не один, — пронеслось в голове. — Или кто-то вот-вот войдёт».

Я быстро сунул блокнот обратно, стараясь вернуть всё на место. Потом бесшумно прошёл на балкон, открыл дверь, чувствуя, как холодный воздух бьёт по лицу, возвращая меня к реальности. Спустившись по пожарной лестнице, я оказался на тёмной улице, где пахло мокрыми листьями и бензином.

У мусорных баков лежал небольшой пакет, перевязанный грубой бечёвкой. На нём — моё имя, написанное тем же почерком, что и на письме Кузнецова. Почерк был неровным, будто торопливым, с нажимом на каждой букве.

Я остановился, глядя на пакет, и почувствовал, как по спине ползёт холод. «Это ловушка, — шептал внутренний голос. — Не трогай». Но рука сама потянулась к бечёвке, пальцы развязали узел. Внутри — старые наручные часы, потёртые, с поцарапанным стеклом. Я поднял их, и в свете фонаря блеснули стрелки: они остановились ровно в 23:17.

«Время смерти судьи, — вдруг понял я. — Кто-то хочет, чтобы я это знал».

Я сжал часы в руке, чувствуя холод металла. В голове стучала одна мысль: «Теперь я не просто журналист. Я часть чужой, смертельно опасной игры. И выйти из неё уже нельзя».

Глава 4.

Утро в квартире было каким-то глухим, будто дом нарочно приглушал звуки, чтобы я не смог услышать, что происходит за стеной. Плотные шторы не пропускали яркий дневной свет — только узкие полоски пробивались по краям, ложились на пол жёлтыми линиями, похожими на трещины. На столе — беспорядочная стопка бумаг, диктофон, чашка остывшего чая: от него остался только горький привкус на дне, царапающий горло, если вдруг решишься сделать глоток.

На тумбочке лежала небольшая посылка без обратного адреса. Курьер принёс её на рассвете, бросил: «Распишитесь, и всё, мне ещё десять адресов», — и тут же исчез, будто боялся задержаться хоть на секунду. Я стоял над коробкой, не решаясь прикоснуться. Она была тяжёлой не по размеру, и эта тяжесть казалась мне почти угрожающей — как будто внутри прятался не предмет, а чья-то злая воля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.